

Глава 1

Что, в сущности, я о нем знала? Мне казалось, что довольно много... Достаточно, чтобы думать, будто мы с ним близки. Достаточно, чтобы ошибаться.

Он высокий, можно даже сказать — длинный. Выше меня на две головы и при этом весит на пятнадцать килограммов меньше, чем я. Но как скелет не выглядит. Скорее, он похож на манекен из витрины — размера этак сорок второго. Похож еще и потому, что в его внешности всегда было что-то искусственное — слишком светлые волосы, слишком длинные черные ресницы, слишком яркие губы. Но я-то знаю — он не красился и не обесцвечивался. Таким он родился, так уж ему повезло. Но на него иногда нехорошо посматривали — принимали за «голубого». Подруги задавали мне осторожные вопросы, а я смеялась. Пересказывала все ему, и он смеялся еще больше. А когда он улыбался, у него над верхней губой появлялась глубокая смешная морщинка — как дужка над буквой «й». Он обожал музыку. Прекрасно рисовал. Говорил, что хотел бы стать рок-музыкантом или художником...

В своих мечтах он и был тем или другим. Он предал меня, что ж, сейчас я предам его. Вот этого о нем точно никто не знал, даже родная мать. У него была не одна жизнь, как у всех, а две, может, даже больше. В реальности, в ЭТОЙ реальности он продавал компакт-диски в одном из круп-

АННА МАЛЫШЕВА

нейших музыкальных магазинов города. Был доволен своей работой. Жил со мной... Обожал шоколад, и во всех карманах у него вечно топорщились смятые фантики. До обморока боялся зубных врачей, и я его водила к стоматологу, как маленького, за ручку. Ждала, когда он выйдет, сидя у кабинета, и ощущала какую-то странную гордость. Он доверял мне (я так считала). Не боялся показаться смешным и слабым. Рассказывал о своих фантазиях — мне, только мне. Я знала, что в своем воображении он живет другой, параллельной жизнью. Что он — лидер хард-роковой группы. Кумир тысяч поклонников. Образец для подражания. Номер один. И это была не какая-нибудь застарелая детская мечта — нет, его воображаемая карьера стремительно развивалась. У него часто бывал остановившийся, блаженный взгляд. Я тогда знала, что он «ушел» в тот, другой мир. Но никогда не беспокоилась, не переживала. Чем это хуже алкоголя, наркотиков или Интернета? Я до сих пор думаю, что эти мечты были ему необходимы. Иначе он бы просто перегорел. Сломался. Как ломаются люди, когда понимают, что живут не в то время, не в том месте, не с тем человеком... Занимаются не своим делом. Он был от этого застрахован. Это было не безумие, а вполне мудрый выход. Отдушина. Или нет — что-то вроде страховки, запасного парашюта. Запасная жизнь, яркая подкладка, подшитая к нейтральной реальности. И я не ревновала его к этой жизни, хотя и догадывалась, что там у него совсем другие подружки. Еще бы — есть из чего выбрать! В ЭТОЙ жизни он любил меня. Я была уверена, что любил...

В детстве он был левшой, но его переучили, и почерк у него просто ужасный — я никогда не могла разобрать его каракули. Может быть, поэтому его последнюю записку читала почти полчаса. Вглядывалась в кривые безобразные

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

буквы, шевелила губами, как полуграмотная, расхаживала по квартире, включала одну лампу за другой, как будто дело было только в плохом освещении.

Но самое удивительное, что я, кажется, сразу поняла, что именно он мне написал. Иначе — почему я сразу разволновалась, едва увидела этот листок с шестью строчками? И теперь я спрашиваю себя — неужели я что-то предчувствовала? А может быть, просто научилась разбирать его каракули куда лучше, чем считала про себя. Все-таки мы прожили вместе два года. Прожили так, что лучше не бывает.

Помню, я в конце концов заставила себя выпустить из рук эту записку. Сначала я вцепилась в бумагу так, будто это был рукав его рубашки, будто так можно было его удержать, притянуть к себе, заставить дать объяснения. Потом пробежала по квартире, осмотрела шкаф с одеждой, полки в ванной, подставки для компакт-дисков. Не знаю даже, встревожилась я еще больше или этот обыск меня немного успокоил. Все выглядело так, будто он уехал ненадолго — дня на четыре, скажем. Забрал только что выстиранные мною джинсы, майку, теплый свитер. Взял бритвенные принадлежности, туалетную воду «Драккар Нуар» (такую же, как у своего кумира Элиса Купера). Несколько дисков, CD-плеер. И все, понимаете, все! С текстом безумной записки это никак не вязалось. И я решила, что нужно подождать. Те самые четыре дня, на которые ему должно было хватить чистой одежды, туалетной воды (там оставалось совсем на доньшке), пока ему не надоест крутить одни и те же диски — «Нирвана», «Содом», «Тиамат», последний альбом Дэвида Боуи. Тогда он вернется.

АННА МАЛЫШЕВА

Вернулся он, черта с два! Я ждала даже не четыре дня, а все пять. Самое противное, что надвигался Новый год. Сперва я, насмотревшись телевизора, решила, что наступает новый век и с ним — тысячелетие, но Женя на пальцах мне разъяснил, что я поторопилась и люди с научным складом ума подождут еще годик. Дескать, «ноль» на конце даты всегда означает не начало, а конец. «Тебя что, не учили считать до десяти?» — горячился он, и я в конце концов согласилась. Но в глубине души продолжала считать, что наступает новое тысячелетие. При чем тут круглые десятки, мы же не в магазине. И у кого это научный склад ума — не у него ли?! Однако я предпочитала молчать — он и так раздражался все чаще, по телевизору постоянно говорили про новое тысячелетие, и Женя каждый раз переживал, что журналисты обманывают кучу людей. А может, это раздражение имело совсем другую природу — может быть, он просто маскировал этим дурацким Новым годом что-то другое... Теперь мне так кажется, но тогда я только посмеивалась — какой он все-таки еще ребенок!

Я думала, он хотя бы позвонит. У меня было по крайней мере десять телефонов, по которым я могла позвонить сама, чтобы найти его... Или какие-то его следы. Но я не прикасалась к трубке. Что это было — не знаю. Обида. Идиотская гордость — в таких случаях говорят «женская гордость», но вряд ли это чувство имеет определенный пол. Так же, как и зависть. Или любовь. Одним словом, я решила дождаться, когда он сам сообразит, что записки совершенно недостаточно. Что так не поступают. Нормальные люди, во всяком случае.

Да и времени у меня совсем не было. Перед праздниками все будто с ума посходили. На радио, где я работаю

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

внештатным корреспондентом, на меня навалили кучу разной ерунды. Казалось бы, перед Новым годом должны быть какие-то необычные задания, но меня посылали на абсолютно не интересные мне тусовки. Да еще и браковали каждые два материала из трех. Я в самом деле халтурила, писала бог знает как, только бы отвязаться. Хуже, чем обычно, хотя я и раньше не блистала... Иначе бы меня взяли в штат, и жизнь стала бы спокойнее, определенной. Требовалось выдерживать шуточный, принятый у нас на радио тон, о чем бы ни шла речь. А мне было не до шуток. Ну совершенно... Потому что я никогда не ощущала так ясно, что потерпела поражение. Потому что у меня постоянно возникал вопрос — за что? Его поступок был похож на пощечину — совершенно неожиданную, несправедливую... И было очень больно.

Я сменила постельное белье, убрала вторую подушку. Она пахла его волосами, и от этого у меня начинались спазмы в горле, а моя собственная подушка начинала промокать. Классика. Наверное, такое бывает со всеми брошенными женщинами. И было ужасно, что теперь я могла приписать себя к этой армии, многочисленной и агрессивной. Настолько ужасно, что я в это не верила. Повторяла про себя — это шутка, очень дурная и глупая, он выкинул коленце и уже раскаялся, просто не знает, как мне позвонить, как прийти, что сказать, чтобы отменить свою безумную, жестокую записку. Наверное, он просто слишком заигрался в своей запасной жизни. Вообразил, что ему все можно. Что я все прощу. Впрочем... Разве бы я не простила? Если бы только он вернулся...

А он не возвращался. Вечером двадцать восьмого, разговаривая с редактором на радио, я была в таком состоянии, что та наконец перестала меня распекать за ис-

АННА МАЛЫШЕВА

порченный репортаж и довольно ласково спросила, что у меня случилось. Я ничего не стала объяснять. Сказала только, что очень устала, и это тоже была правда.

— Мы все устали, — призналась она. — Однако, Наденька, нужно взять себя в руки. Ладно, из твоего репортажа сделаем информацию, что уж теперь. Спасибо, что он не заказной.

И не успела я удивиться такой снисходительности, как она добавила:

— Позвони мне завтра, вроде бы наклеивается интересная презентация шампанских вин. Заодно выпьешь там, расслабишься. Нам утром пришлют приглашение на два лица.

Я сказала что-то вроде «большое спасибо». Или что-то такое же равнодушное. Благодарить нужно было намного горячее. Она могла вообще разнести меня в пух и прах и выгнать, а вместо этого посылала меня пить шампанское. Только я не могла любезничать, «брать себя в руки», расслабляться. Меня добило приглашение на два лица. Второго лица у меня больше не было. Оно болталось бог знает где, черт знает с кем. И в тот вечер я наконец решила взяться за дело.

Для начала, вернувшись домой, я набрала номер его родителей. Точнее, родительницы — отец Жени развелся с ними, когда тому было лет восемь, давно воспитывал другого сына... Они созванивались с Женей по праздникам, и я решила, что вряд ли он в курсе последних событий.

Трубку взяла Шурочка, младшая сестра Жени. Ей двадцать пять, она моя ровесница, но кажется мне ребенком — таким наивным, легкомысленным. Своих приятелей она

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

до сих пор называет «мальчиками», хотя какие уж там мальчики, одному уже под сорок.

— А я как раз собиралась вам звонить, — обрадовалась Шурочка. — Вы на Новый год куда? Может, будете встречать с мамой? А то...

И она быстро выложила мне свой простенький эгоистичный план. Конечно, один из ее «мальчиков» пригласил ее на новогоднюю ночь в какой-то клуб, где будут шоу, дискотека, маскарадные костюмы и куча бесплатной выпивки. Но оставлять маму одну под елкой неловко, и Шурочка рассчитывала, что мы с Женей ее выручим. Я слушала ее и понимала, что сразу же сделала неверный шаг. Женя ушел вовсе не к ним. Иначе его мать позвонила бы мне в первый же вечер. А как же? Ведь она уже привыкла считать нас мужем и женой, хотя в ЗАГС мы не ходили да и не собирались этого делать. Она бы сразу забеспокоилась, что у нас случилось... Нет, я все-таки не в себе. Определенно теряю рассудок... Права моя редакторша на радио, нужно держать себя в руках.

— Ну так какие у вас планы? — поинтересовалась Шурочка.

Я уклончиво ответила, что пока мы ничего не решили. Что вариантов целая куча, но мы, конечно, обдумаем и ее предложение. Я говорила как можно спокойней, пыталась делать вид, что меня ничто не волнует. Не хотелось выкладывать все Шурочке. Только не ей. Она обожает брата, относится к нему, как к любимой игрушке, и сразу поднимет панику. Перепугает свою мать. А та... Та тоже дрожит над своим единственным сыном. Красавец, умница, милый, добрый... Всегда такой внимательный... Настолько внимательный, что даже не поставил мать в известность, где сейчас находится.

АННА МАЛЫШЕВА

Последняя мысль была какая-то не моя. Я никогда не думала о нем с иронией или злостью. А теперь начала. Может, потому, что оказалась в дурацком положении — Шурочка попросила к телефону брата. Я ответила, что он задержался у себя в магазине, у них перед праздниками запарка, пришла свежая партия дисков...

— Ну ладно, когда вернется, пусть сразу мне позвонит, — поставила она условие. — Уговори его, чтобы на Новый год идти к маме! Пока!

И первая положила трубку. Я минуту приходила в себя и обдумывала положение. Мне-то хорошо было известно, как мать и сын тряслись друг над другом. Они докладывали друг другу, хотя бы по телефону, о самых незначительных происшествиях в своей жизни. Он мог ей позвонить просто для того, чтобы поделиться впечатлениями от нового фильма. Редкий случай взаимопонимания. Идеальные отношения. У него даже голос менялся, когда он разговаривал с мамой. Казалось, что говорит мальчик лет десяти — отличник, паинька. Меня это смешило, но я никогда не говорила ему об этом. Однако паинька, похоже, взбунтовался. Мне он хотя бы оставил записку. А матери — ничего. И уже завтра, и уж точно за день до Нового года, мне придется все выложить его маме и сестре. А что я им скажу, если сама ничего не понимаю?

Я решила, что самым разумным выходом будет отправиться в магазин, где он работал. От меня-то уйти можно, а вот от работы... Тем более что никаких других источников дохода у него не было. Его отец ограничивался небольшими денежными подарками на дни рождения Жени. Мать работала бухгалтером в какой-то загадочной конторе, которая то прогорала, то начинала процветать, но ни разбогатеть, ни окончательно разориться никак

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

не могла. И доходы у нее были соответствующие — то густо, то пусто. Первое время, когда мы с Женей решили снять квартиру, чтобы жить отдельно, она нам здорово помогала. Потом он сам отказался от ее помощи.

Словом... Я была уверена — работу он бросить не решил-ся. Сбережений тоже сделать не мог — я бы знала, заметила. Все эти дни, когда я его ждала, меня тянуло отправиться в музыкальный магазин. Но что-то мешало. Черт его знает что. Наверное, даже гордость тут ни при чем. Просто я боялась увидеть его, да еще в такой обстановке — при коллегах, при покупателях... А вдруг бы кто-то из нас не выдержал, начал скандалить... Или еще хуже — если он рассказал про свой уход кому-то из приятелей, те стали бы рассматривать меня, оценивать, как я держусь... Это была бы такая гадость! Но теперь мне стало на это наплевать. Магазин в это время, конечно, закрыт, но у меня был домашний телефон его приятеля — тот работал в отделе напротив, где продавались музыкальные видеокассеты.

Я часто с ним виделась, когда заглядывала в магазин. А вот звонила ему всего один раз в жизни — когда у Жени среди ночи поднялась высокая температура и нужно было кому-то сообщить, что на работу он не выйдет. Зато я была хорошо осведомлена обо всех подробностях жизни Мити — мне рассказывал муж... Я оговорила-сь — «муж», и мне стало еще хуже. Точнее будет сказать, «одумалась», но от этого ничего не меняется. Когда я разговаривала с подружками, я называла Женю — «мой друг», «мой жених», просто «мой»... Но про себя все чаще начинала называть его мужем. Мне даже казалось, что мы уже поженились... Конечно, за несколько дней от этого чувства не отвыкнешь. Что ж, тем хуже для меня.

АННА МАЛЫШЕВА

Я знала, что Митя — продавец из отдела видеокассет — живет в однокомнатной квартире вместе со своей бабушкой — весьма суровой старушкой. Муж, то есть Женя, рассказал мне, что бабушка поставила внуку жесткое условие — жить с ней, если он хочет получить эту квартиру по наследству. Других претендентов на это наследство было предостаточно... А вот других возможностей обзавестись своей квартирой у Мити не было. Так что этот парень, двадцати трех лет от роду, спал у бабушки за шкафом, отчитывался ей, почему задержался на работе, и никогда не смотрел телевизор после полуночи — бабушка этого терпеть не могла. Приводить девушек, естественно, ему запрещалось, да и как с ними общаться под суровым надзором старухи? Теоретически он мог, конечно, сам отправиться в гости к девушке... Но когда Митя осмеливался переночевать в другом месте, бабушка устраивала ему такие сцены, что бедный парень долго прикидывал, стоило ли идти на такие жертвы...

Я взглянула на часы — начало одиннадцатого. Набрала номер. Услышав мужской голос, извинилась за поздний звонок, назвала свое имя, спросила о Жене. И уже по тому, как тот запнулся, поняла — ему все известно. Про то, что меня бросили, по крайней мере.

— Знаешь, Надя, — выговорил наконец он, — ты это не принимай близко к сердцу. Он скоро вернется.

Ох, как же мне было плохо... Вот чего я боялась — этих утешений, наставлений, уговоров. Я знаю, кому-то как раз такие вещи и нужны, а вот я их просто не переношу. Если случается беда, то мне легче, когда люди делают вид, что со мной ничего не случилось. Может, это просто вид самовнушения, не знаю, но мне от этого и правда становится легче.

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

— А на работу он ходит? — спросила я, игнорируя его утешения.

— Пока да, — ответил Митя. — Но с Нового года он увольняется. Надь, да ты не переживай. Я думаю, что он не уволится. Где Женька еще найдет такое место? Нормальная зарплата, кругом куча его любимой музыки... У него какое вообще образование?

Образование у Жени вообще-то было, но какое-то странное. Учился в нескольких местах, но ничего не закончил. Обычная школа, конечно, плюс музыкальная, да еще художественная, и два года музыкального училища (диплома не получил), и год — какие-то странные курсы, не то актерские, не то режиссерские... Я и сама толком не знала. Митя меня успокоил еще раз:

— Кто же его возьмет на нормальную работу без диплома, без знакомств?.. Куда он собрался-то, ты сама в курсе?

Я ответила, что нет. Что сама хотела бы знать, как он теперь собирается жить, чем заниматься. Я пыталась говорить спокойно, даже весело. Поймала себя на том, что у меня на губах появилась улыбка — напряженная, наверное, очень некрасивая. Митя, конечно, этого не видел, и слава богу. Потому что он тоже приободрился, когда сообразил, что я не пала духом.

— Он домой не приходит? — по-деловому осведомился он. — И не звонит? Так что же ты — зайди завтра на работу, поговори с ним. А то ведь потом и концов не найдешь.

Ну вот, и проговорился. Стоило меня утешать, если он сам уверен — Женя ко мне не вернется. Я вежливо ответила, что подумаю. Может быть, зайду. Попросила его не сообщать Жене, что я звонила. Мне так хотелось